

Климентов Андрей Алексеевич

студент

Южно-Российский институт управления (филиал)
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Ростов-на-Дону, Ростовская область

ПРОТИВОРЕЧИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГАХ

Аннотация: автором статьи выделены некоторые противоречия в законодательстве Российской Федерации. Первое касается разграничения результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации. Второе противоречие связано с нематериальными благами, а именно правом распоряжаться нематериальными благами, в частности своей жизнью и здоровьем.

Ключевые слова: нематериальные блага, Гражданский кодекс РФ, объекты гражданского права, результаты интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации, личное неимущественное право, эвтаназия.

В 128 статье Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) одним из объектов гражданского права (далее ГП) указываются нематериальные блага [1]. Перечень благ, которые относятся к данному виду объектов ГП, дан в статье 150 ГК РФ. К ним относятся следующие:

- 1) честь и доброе имя;
- 2) личная неприкосновенность;
- 3) право свободного передвижения;
- 4) право выбора место пребывания и жительства;
- 5) право на имя;
- 6) право на жизнь и здоровье;
- 7) право на неприкосновенность личной жизни;
- 8) жизнь и здоровье;

- 9) личная и семейная тайна;
- 10) деловая репутация;
- 11) право авторства;
- 12) право на достоинство;
- 13) иные неимущественные права.

Данный объект ГП имеет массу противоречий различного характера. Рассмотрим некоторые из них:

Первое противоречие связано с формулировкой законодателем статей 128 и 150 ГК РФ. В частности, в статье 128 результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации рассматриваются как отдельный объект ГП, а в статье 150 рассматривается как одно из нематериальных благ. В этой связи в юридическом сообществе возникли противоположные точки зрения по поводу данного вопроса. Большинство юристов посчитали некорректным смешение объектов прав, то есть нематериальных благ, и содержания правоотношения, то есть неимущественных прав. Другие же ученые посчитали, что термин «неимущественные блага» законодатель использует как собирательный, в том числе и для личных неимущественных прав [2]. Тем не менее законодатель мог прояснить данную юридическую коллизию, но в одном из комментариев к ГК РФ автор главы К.Б. Ярошенко приравнивал данные понятия, чем вызвал новую волну споров на данную тему в российском юридическом сообществе [4]. Чтобы лучше понимать различия между ними, целесообразно дать им определения. Личное неимущественное право – это не имеющая экономического содержания, не отделимая от его обладателя мера возможного поведения лица по отношению к своим нематериальным благам. Нематериальные блага – это не имеющие экономического содержания и неотделимые от личности их носителя блага и свободы, которые признаны текущим законодательством [3].

Вторым важным противоречием можно справедливо считать право распоряжения нематериальными благами. Прежде всего, это касается права распоряжаться жизнью и здоровьем. До сих пор в Российской Федерации происходят

массовые дискуссии по поводу этого права. Рассмотрим некоторые важнейшие примеры:

1. В частности, вышесказанное касается христианской религиозной организации Свидетели Иеговы, признанной Верховным Судом РФ экстремистской 20 апреля 2017 года. Члены данной организации отказываются от переливания крови, вакцинации и других важнейших для жизни и здоровья человека процедур. Противоречие заключается в том, что согласно действующей российской Конституции гражданин России обладает правом на жизнь. Существуют массовые прецеденты отказа от переливания крови членами данной организации, в том числе, и в ситуациях, которые угрожают жизни и здоровью гражданина. Важно отметить, что решения такого характера принимаются в том числе и в отношении детей, не обладающих дееспособностью. Данные факты вызвали серьезный поток критики в отношении Свидетелей Иеговы, в том числе и со стороны юридического сообщества.

2. Другим важнейшим аспектом является право человека на смерть. Согласно российскому законодательству эвтаназия, то есть прекращение жизни человека по его просьбе в связи с неизлечимым заболеванием, запрещена в любой форме. Однако право человека на жизнь в понимании многих подразумевает в том числе и право от нее отказаться. Кроме того, в «Основах законодательства РФ об охране здоровья граждан» указано право гражданина отказаться от предлагаемого лечения вне зависимости от последствий этого решения. Такое положение создает еще одну коллизию в гражданском законодательстве РФ. Тем более что практика эвтаназии имеет широкое распространение в странах Евросоюза, Индии, Японии, Австралии, США и Канаде. Формулировка 33 статьи «Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан» предполагает наличие пассивной эвтаназии, то есть отключение гражданина от приборов поддержания жизни. Данное положение создает причины для дискуссий между законодателями, юристами и обществом по поводу законодательного введения возможности пассивной эвтаназии. Необходимо отметить, что в России были прецеденты законодательной инициативы права на смерть, в частности исходящие от Совета

Федерации РФ в 2007 году, но речь шла лишь об пассивной эвтаназии, в то время как в таких странах, как Королевство Нидерланды, человеку старше шестнадцати лет и находящемуся в адекватном психическом состоянии, отдающему отчет своим действиям, неизлечимо больному врачи обязаны оказать содействие в самоубийстве или выполнить распоряжение по прекращению жизни, то есть мы можем проследить на примере данной страны действия полной законодательной легализации эвтаназии. Однако в настоящий момент в России данная практика законодательно не закреплена.

Теперь приведем пример судебного прецедента, который касается данных аспектов. Данные коллизии ясно проявляются в так называемом «деле Литовченко». Гражданка Литовченко после родов в 1996 году в г. Хабаровске была принудительно переведена в бессознательное состояние с помощью наркоза, а затем ей осуществили переливание крови, несмотря на поданное Литовченко письменное заявление об отказе от переливания по религиозным соображениям. Гражданка дважды подала иск на медицинское учреждение: в первый раз он был отклонен судом по причине отсутствия механизма реализации права граждан по отказу от медицинской помощи; во второй раз он был отклонен судом по причине недопущения российским законодательством процедуры эвтаназии. Далее гражданка Литовченко обратилась в Европейский суд по правам человека, который отклонил ее иск по причине вступления России в Конвенцию по правам человека лишь в 1998 году, тогда как сам прецедент был в 1996 году [5].

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1 (ред. от 03.08.2018) // СПС КонсультантПлюс. Подр. 6. Гл. 3. Ст. 128, 150.
2. Бакаева И.В. Понятие и признаки нематериальных благ: законодательство, теория и практика // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – №4. – С. 9–13.
3. Гусалова А.Р. Нематериальные блага как объект гражданского права // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2012. – №1 (15). – С. 34–36.

4. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ, ч. 1. (постатейный) / под ред. О.Н. Садилова. – М.: Контракт; Инфра-М, 2005. – С. 394–397.

5. Кратенко М.В. Действия по «распоряжению» личными нематериальными благами: понятие, виды и пределы осуществления // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2008. – №1. – С. 60–65.